

Б.П. КРАЕВСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ
РУССКАЯ ЦАРИЦА
ЕВДОКИЯ ФЁДОРОВНА
ЛОПУХИНА

Свято-Успенская женская монашеская обитель на родине
Царицы Евдокии Фёдоровны Лопухиной
в селе Серебряно Мещовского района Калужской области

Б.П. КРАЕВСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ РУССКАЯ ЦАРИЦА ЕВДОКИЯ ФЁДОРОВНА ЛОПУХИНА

МОСКВА
СТАРАЯ БАСМАННАЯ
2026

УДК 929
ББК 63.3(2)51
К77

Краевский Борис Прохорович (1929–2004).

Последняя русская Царица Евдокия Фёдоровна Лопухина / Предисловие князя В.О. Лопухина. – М.: Старая Басманная, 2026. – 48 с.: ил.

К77 Издание посвящено восстановлению исторической справедливости по отношению к последней русской Царице Евдокии Фёдоровне Лопухиной – первой жене Царя Петра I.

Её образ и по сию пору нуждается в освобождении от клеветы и предвзятости, коими он был окутан ещё с тех давних времён. Трагическая судьба Царицы-инокини служит примером душевной стойкости и упования на Божественный промысл.

ISBN 978-5-907812-38-3

© Краевский Б.П., наследники, текст, 2026.

© Свято-Успенский скит в селе Серебряно

Мещовского района Калужской области, 2026.

© ООО «Старая Басманная», оригинал-макет, 2026

Царица Евдокия Фёдоровна,
урождённая Лопухина.

Хромоолитография с портрета из Романовской галереи Зимнего дворца.
Неизвестный художник, 1727—1730 гг.

Часовня во имя преподобномученицы Евдокии Римляныни –
небесной покровительницы
Благодарной Царицы Евдокии Фёдоровны,
возведённая на её родине в 2024 г.
в память 1000-летия рода Лопухиных

Князь В.О. Лопухин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более 300 лет не утихает интерес к личности Государыни Евдокии Фёдоровны Лопухиной. Постепенно, но довольно медленно воссоздаётся реальная картина её жизни. Появляются учёные и писатели, стремящиеся к восстановлению исторической справедливости по отношению к последней Российской Царице, проведшей в заточении без малого 30 лет — практически половину своего земного бытия — и явившей собой пример, может быть, одной из самых трагических судеб царственных особ. В новейшее время наибольшую лепту в сей процесс внёс Борис Прохорович Краевский (1929–2004), создав к 2001 году книгу «Лопухины в истории Отечества», глава из которой предлагается читателю в данном издании. Это был, пожалуй, первый за многие десятилетия обширный и хорошо аргументированный труд, правдиво описывающий жизнь несчастной Царицы-инокини.

Значительную роль в поиске истины играют монастыри, связанные с её пребыванием — Покровский в Суздале, Успенский в Старой Ладоге, Богородице-Смоленский Новодевичий в Москве. Однако самое заметное место среди них, несомненно, занимает Свято-Успенская обитель на родине Царицы в селе Серебряно близ древнего города Мещовска, устроенная на земле, где 450 лет назад поселились прародители будущей Царицы, оставившие о себе добрую память и построившие здесь 11 храмов.

Возникнув в 2005 году на руинах церкви, возведённой за 300 лет до этого в 1705 году её отцом, малочисленная женская монашеская община своими подвижническими усилиями не только смогла возродить из пепла храм и обустроить территорию, но всеми душевными силами включилась в просветительскую деятельность, очищающую от клеветы и предвзятости глубоко чтимый настоятельницами и насельницами образ Благоверной Государыни.

Впервые попав в те места в мае 2008 года, на I Международную конференцию «У истоков Российской государственности», уже после кончины основательницы обители Ирины Тимофеевны Рыбаковой (во иночестве Евдокии), увидев восстанавливаемый храм Успения Пресвятой Богородицы и познакомившись с настоятельницей матушкой Феофанией Евдокимовой, я для себя определил это место как центр, условно говоря, Лопухинского мира, понимая, что именно отсюда должны исходить самые горячие молитвы о предстательстве Царицы за нас, грешных. Но только через пятнадцать лет Господь услышал наши чаяния, и на сём месте тщанием калужских благодетелей И.И. Попелухи, В.В. Рябошапченко, К.В. Пахоменко и А.А. Зыкова в 2024 году появилась часовня во имя преподобномученицы Евдокии Римлянины — небесной покровительницы Царицы Евдокии Фёдоровны, посвящённая 1000-летию нашего рода.

Не меньшее значение имело и празднование в 2019 году 350-летия Государыни, в рамках которого в день её рождения после прошедшей накануне панихиды по Её Царскому Величеству в Спасском соборе Андроникова монастыря в Москве, в Свято-Успенской обители была осуществлена торжественная закладка камня в основание памятника Государыне. А спустя два с половиной месяца Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва провёл Всероссийскую научную конференцию «Культурно-историческое наследие личности и рода: к 350-летию со дня рождения Царицы Евдокии Фёдоровны Лопухиной» с последующим изданием сборника трудов. В ней приняли участие сотрудники музеев, архивов, научных и образовательных учреждений со всей страны.

Аналогичная конференция, но уже посвящённая 1000-летию рода — «Историко-культурное наследие Лопухиных», состоялась том же формате в октябре 2022 года. Именно тогда участники конференции высказали идею о проведении регулярных Лопухинских краеведческих чтений в малых городах и поселениях России под покровительством Института Наследия. И первые из них были в селе Утёшеве на территории Мещовского уезда, близ четырёх храмов, построенных сородичами Царицы Евдокии. И на всех этих форумах, как, впрочем, и последующих, в Рязанской и Тульской областях, проходивших с неизменным участием настоятельницы обители матушки Феофании, звучали правдивые доклады о ней.

Большим ревнителем справедливого отношения к Государыне является организатор указанных событий и руководитель Центра семейного и родового наследия Российского института культурного и природного наследия, кандидат культурологии Дарья Яковлевна Романова. Выступая на множестве конференций и симпозиумов в разных городах страны и мира, она объясняет собравшимся важность восстановления её истинного облика в контексте политических событий того времени.

В последнее время к столь обширной просветительской работе присоединяется и молодое поколение, с интересом познающее этапы развития своей Отчизны. Для облегчения восприятия ими весьма отдалённых событий на Лопухинском семейном сайте (<https://lopukhins.ru/>) в разделе «Общая информация о роде» (<https://lopukhins.ru/notes/>) размещено более 70 материалов, позволяющих составить представление о 1000-летней истории России через описание судеб сородичей последней русской Царицы Евдокии Фёдоровны Лопухиной.

Ибо только совместными трудами мы можем приблизить время, когда её имя будет должным образом восприниматься большинством наших соотечественников.

Москва, 12 декабря 2025 г.

ПОСЛЕДНЯЯ РУССКАЯ ЦАРИЦА¹

Рассказ о выдающихся людях рода Лопухиных нужно начать с Евдокии Фёдоровны Романовой, урождённой Лопухиной. Волею Божией она стала последней русской Царицей — все последующие Государыни были Императрицами и, как правило, чужеземками.

Царице Евдокии Фёдоровне первое место в этой книге должно принадлежать и потому, что древний и заслуженный род, веками занимавший видное место в российском дворянстве благодаря женитьбе Царя Петра Алексеевича на девице Лопухиной, выдвинулся в первый ряд вельможных фамилий России и, несмотря на последующие опалы, навсегда в нём остался.

...30 июля 1669 года в селе Серебряно Мещовского уезда, в вотчине, пожалованной Иоанном Грозным «за многие и великие службы» ещё его деду воеводе Никите Васильевичу, в семье стрелецкого полковника Илариона Авраамовича Лопухина — сына боярина Авраама Никитича — родилась дочь Евдокия. Ей суждено было стать Русской Царицей Евдокией Фёдоровной. Не нужно удивляться, что Евдокия Иларионовна превратилась в Евдокию Фёдоровну. По традиции тех лет отцу Царской невесты нередко меняли имя. Выбор для Илариона Лопухина имени Фёдор объясняется просто: с этим именем на новую Царскую родню призывалось покровительство и защита Фёдоровского образа Божией Матери, святыни Дома Романовых, которым старица Марфа благословила на Царство в марте 1613 года в Ипатьевском монастыре своего сына Михаила Фёдоровича, первого Царя династии Романовых. Вспомним, кстати, что Фёдоровнами становились многие невесты русских Императоров: последними нашими Государынями были Мария Фёдоровна и Александра Фёдоровна...

Счастлирое событие это случилось в разгар лета, в погожие дни, когда семья Илариона Авраамовича, покинув пыльную Москву,

¹ Этот текст впервые был опубликован в книге Б.П. Краевского «Лопухины в истории Отечества» (М.: Центрполиграф, 2001. С. 263–294). Некоторые изменения и дополнения внесены князем В.О. Лопухиным в 2025 г. при подготовке данного издания.

жила в деревне. Земли эти были в Калужском краю — 450 четей пашни и лесов с несколькими деревнями.

Когда в семье случилось прибавление, это стало известно, конечно, всем Лопухиным. В то время на государственной службе было около тридцати одних мужчин этой фамилии, род же насчитывал около ста человек. И не только Иларион Авраамович служил по стрелецкой части — Лопухиных в стрелецких полках знали, уважали и почитали «своими». Известны были они и при Государевом Дворе. Словом, Лопухины были «сильными». В детские годы Евдокии мало кто из родных думал о малышке, которая с няньками и мамками росла в отчем доме в Серебряне или московском девичьем тереме.

Как прошли детство и отроческие годы будущей Царицы, мы точно не знаем, но предполагать можем с достаточными основаниями. Как и всех барышень её круга, а отец Евдокии делал успешную дворцовую карьеру: из стрелецких полковников стал государевым стольником и воеводой, а затем и окольничим (второй по значению чин после боярина), Евдокию воспитывали в строгих правилах православной веры и добрых традициях «Домостроя». Конечно, её учили читать, писать и считать. Книги, попадавшие ей в руки, были духовного содержания, а обучение грамоте шло по псалмам, житиям святых и праведников. Евдокию научили шить и вышивать — позже она посылала мужу вместе с письмами и свои рукоделия. Когда барышня «вошла в возраст», ей наверняка рассказали о её будущем — жены доброго дворянина и хозяйки его дома...

Ростем временем и будущий державный супруг Евдокии Лопухиной. Родился он 30 мая 1672 года и был, следовательно, на три года моложе своей суженой. Жизнь Царя Петра достаточно известна, и мы не станем утомлять читателя её пересказом. Напомним лишь, что в апреле 1682 года, когда скончался Царь Фёдор Алексеевич, на царство «выкрикнули» десятилетнего Петра, поскольку его старший брат Иван был «слаб головою». Но уже в мае стрелецкий бунт возвел на престол сразу обоих братьев — Ивана и Петра — и сделал правительницей государства Царевну Софью Алексеевну. После этого вдовая Царица Наталья Кирилловна вынуждена была уехать из Кремля и вместе со своим сыном — «вторым Царём» — поселиться в подмосковном Преображенском дворце.

Уже в следующем году одиннадцатилетний Пётр начал «играть в потешных», которые со временем стали основой русской регулярной армии. Вскоре к потешной пехоте с настоящими ружьями прибавилась потешная артиллерия, стрелявшая настоящими ядрами, и потешный флот на Плещеевом озере. Всё больше и больше времени проводил юный Царь вне дома, в грубой солдатской среде. «Военные забавы» потребовали специальных знаний, которые на Руси того времени были в основном у чужестранцев, живущих в Немецкой слободе на Яузе. Отсюда и первоначальный интерес молодого Петра к иностранцам. Время шло, «воинские забавы» продолжались, Царь мужал.

Царица-мать сокрушалась, видя такую «не царскую» жизнь единственного своего сына, и решила «остепенить» его. Пётр согласился жениться — не хотел перечить матушке. 27 января 1689 года в Преображенском дворце в небольшой дворцовой церкви во имя Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла протоиерей Меркурий совершил обряд венчания — Царь Пётр Алексеевич Романов женился на девице Евдокии Фёдоровне Лопухиной...

Свадьба была хоть и царской, но не особенно пышной. Тому были причины: Пётр Алексеевич был «вторым Царем», а «первый» — Иван Алексеевич — уже пять лет как был женат на Прасковье, урождённой Салтыковой, к тому же правительница Софья Алексеевна, которая стремилась укрепить свою власть, не радовалась женитьбе брата, которая сулила появление законного наследника престола. И всё же эта высокая свадьба привлекла внимание первого поэта тогдашней Москвы. Стихотворцев на Руси тогда было немного, и лучшим из них считался один из видных московских просветителей чудовский монах Карион Истомин. Он написал торжественное сочинение в стихах по случаю брака Царя Петра и Царицы Евдокии. Заметим, кстати, что Карион Истомин был лучшим мастером силлабического стиха и предшественником Тредиаковского и Ломоносова, которые утвердили традицию уже силлабо-тонического стихосложения и прославились торжественными одами. Добавим, что через год тот же Карион Истомин тремя стихами приветствовал появление на свет сына Петра и Евдокии, Царевича Алексея Петровича.

Женитьба Петра Алексеевича стала первым случаем в Царском Доме, когда был нарушен старинный обычай выбора Царской невесты. Прежде девиц привозили на Царский смотр чуть ли не со всей Руси, и Царь выбирал будущую Царицу из множества самых красивых по своему вкусу. Вдовая Царица Наталья Кирилловна нарушила традицию и сама назвала свою будущую невестку.

Как это случилось и почему? Возможно, мать, уже тогда зная своеволие сына, не очень-то доверяла его собственному выбору — мало ли кто приглянется на смотринах юному Царю. В большинстве исторических сочинений говорится, что Царица выбрала жену сыну «за личную к ней привязанность Лопухиных». Думается, это правда, но не вся. Лопухины были нужны Царице Наталье Кирилловне не только как верные сторонники, но и как сильный влиятельный род, на который она могла бы опереться. Лопухиных же было много, они были хорошо известны в Москве. Ещё при Грозном они входили в избранную «тысячу», а при Царе Фёдоре Иоанновиче прадед Царицы Никита Васильевич был в столице стрельцким головою. Его сын, Авраам Никитич, тоже командовал стрельцами, потом «вошёл в милость» к Царю Алексею Михайловичу, был гостем на свадьбе его с Натальей Кирилловной, стал боярином и в день крещения Царевича Петра Алексеевича «сидел у Царицы Наталье Кирилловны за поставцом». Сыновья этого «большого Лопухина» руководили Приказами. Один из них и стал отцом Царской невесты.

Ещё одно обстоятельство следует иметь в виду: все дела тогда вершила Царевна Софья Алексеевна, опиравшаяся на стрельцкую силу. И Лопухины тоже были тесно связаны со стрельцами. Не последнюю роль в выборе сыграла и сама Царская невеста. Она наверняка нравилась Царице Наталье и внешностью своей, и нравом. Правда, не всегда, что мило матери, оказывается по душе сыну, но Наталья Кирилловна, уж конечно, не выбрала бы для своего Петра ни дурнушку, ни дурочку. Словом, Царская невеста была умна, хороша собою и вполне достойна оказанной ей чести. В.О. Ключевский был не прав, называя её с самого начала «неумной, суетливой и вздорной», а свадьбу с Петром — всего лишь «делом интриги Нарышкиных и Тихона Стрешнева». Некий устойчивый стереотип, сформировавшийся в нашей исторической науке, помешал видному

учёному быть объективным. Да и вообще историки и исторические писатели, имена и книги которых вот уже полтора столетия у всех на виду и на слуху, не были беспристрастными, обращаясь к личности Царя-преобразователя и некоторых членов его семьи.

Не скажу ничего нового, но напомним, что тем Петром Великим, каким его знает сегодня каждый, первый Всероссийский Император стал только в XIX столетии. Веком ранее ему, конечно, отдавали должное, но со многим не соглашались и ужасались способам, какими достигались его свершения. Видели тогда и вредность стремительной, безоглядной европеизации России. Поэтому дело Петра и оценивали сдержанно. Конечно, официальное отношение к нему правительства было иным. Императрица Анна Иоанновна, вкусившая «прелести Европы» на её курляндских задворках, не хотела менять прозападный курс. Этого нельзя было ожидать от дочери Петра Императрицы Елизаветы и, уж конечно, от Ангальт-Цербстской принцессы Императрицы Екатерины II, которой было лестно поставить своё имя на постаменте известного памятника рядом с именем первого Императора России. Но общественное мнение и народная память ещё хранили своё нелицеприятное суждение о Петровских временах — об этом свидетельствуют и архивы, и мемуары, и фольклор.

А в XIX столетии, когда не осталось живых свидетелей Петровского времени, когда после европейского похода Императора Александра Благословенного в Россию пришло поголовное увлечение Европой, с ростом так называемой либеральной интеллигенции с её «всечеловеческими» симпатиями, русское мыслящее общество вообще повернулось лицом к Европе и стало видеть в ней идеал будущего России. В таких условиях оценка деятельности яркого прозападника Царя Петра должна была стать безоговорочно положительной. Такой она и стала. И как следствие, стало восприниматься однозначно отрицательным, ретроградным, мешавшим прогрессу все, что Царю Петру противостало.

Апофеозом восторженного и некритичного восхваления дела и личности Царя-преобразователя стало 200-летие со дня его рождения, которое широко отмечалось в России в 1872 году. Тогда-то в Москве и состоялись ставшие знаменитыми «Публичные чтения о Петре Великом» профессора русской истории С.М. Соловьёва.

Они проходили в Большом зале Московского Благородного собрания более трех месяцев, собирали тысячные аудитории и стали, как сказали бы сегодня многие, «популярнейшим шоу» своего времени. Текст «чтений» не раз издавался и переиздавался. После этих «чтений» любого, кто усомнился бы в абсолютном величии первого русского Императора, образно говоря, «побили бы камнями»...

Отсюда — и дружные отрицательные суждения русских либеральных историков о Царице Евдокии Фёдоровне: она не была с Петром, Пётр удалил её от себя, следовательно, она плоха. Ни С.М. Соловьёв, ни В.О. Ключевский, ни С.Ф. Платонов, как и многие другие, не удержались от того, чтобы не сказать или не написать о последней русской Царице что-либо нелестное, а то и просто худое.

...Но вернемся к юной Царственной чете, жившей с 1689 года в Преображенском дворце под бдительным оком вдовой Царицы. Конечно, Пётр и Евдокия были очень разными людьми. Начнём с того, что женщина в восемнадцать лет — вполне зрелый человек, а мужчина в шестнадцать — в значительной степени ещё мальчик. Возможно, в поведении Царицы Евдокии проскальзывали нотки материнской заботы о муже, что могло ему не нравиться. Возможно, она скучала, когда Пётр рассказывал о своих «потешных», о постройке кораблей, и он с досадой замечал это. Почти наверняка молодую Царицу раздражала грубость манер и речи, приобретённая Петром Алексеевичем в солдатской среде. Возможно, Царица Евдокия по просьбе свекрови пыталась увещевать юного Царя, отвращать его от любезных его сердцу занятий, и он воспринимал это как покушение на свою свободу.

Наверное, все это было, как бывает во многих молодых семьях. Но нет никаких оснований считать, что Царь с самого начала тяготился своим домом и своей семьёй. И если первые годы супружества не были безоблачными, то вполне обычными для своего времени. Царь Пётр часто уезжал, но так поступали все молодые дворяне. И из домов их гнала вовсе не неприязнь к семьям, а обязательная служба Государю. Нет сомнений, что и Пётр ощущал себя на службе России. Бытующее мнение, будто Царь Пётр Алексеевич с самого начала избегал дома, чтобы не быть рядом с нелюбимой женой, явно позднейшего происхождения. Эту выдумку историков опровергает,

кстати, и переписка супругов, где встречаются и заботливые слова, и ласковые прозвища, и сетования на разлуку... Какие основания считать эти письма лицемерными или лживыми?

18 февраля 1690 года Царица Евдокия Фёдоровна родила сына Алексея, названного по просьбе вдовой Царицы в честь деда, Царя Алексея Михайловича. Шумных празднеств по этому случаю не было, Государь был занят — справлялся с бунтовщиками. А потом поехал в Переславль, где строились тогда корабли.

«Государю моему радости, Царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, Государь, буди к нам из Переславля не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьёт...»

«Лапушка мой, здравствуй на множество лет! Да милости у тебя прошу, как ты позволишь ли мне к тебе быть?.. И ты пожалуй о том, лапушка мой, отпиши. За сим жёнка твоя челом бьёт».

Не позвал к себе Царь Пётр жену, как она просила, в свой переславский лагерь, но сам был в Преображенском уже в начале апреля. А в конце месяца впервые побывал в Немецкой слободе. Связи с ней у Царя и прежде бывали регулярными, но сам Пётр Алексеевич пожаловал туда лично лишь 30 апреля, навестив дом генерала Гордона, где ему представили Лефорта.

Известно, что в Немецкой слободе Царю понравилось всё, потому что было не похоже на привычное, на то, что видел в Москве, в других русских городах. Любовь к иностранному осталась отличительной чертой личности, политики и дела Царя Петра на всю его жизнь.

С этого времени Царь особенно сблизился с Францем Лефортом. В семейной жизни Петра Алексеевича этот человек сыграл зловещую роль. Поэтому придётся рассказать о нём подробнее. Франц Яковлевич Лефорт родился в 1656 году в Женеве в семье торговца, желавшего, чтобы сын продолжил его дело. Но того влекли военная служба и «охота к перемене мест». Наёмный солдат сначала в Голландии, а потом в России — таков его послужной список. 1678 годом датирован Царский указ: «Принять в службу иноземца Франца Лефорта с чином капитана...» Так двадцатидвухлетний Лефорт стал офицером одного из многих русских полков иноземного строя, ко-

торые завёл в России Царь Алексей Михайлович. Лефорт участвовал в кампании против турок 1679–1680 годов, в несчастных крымских походах 1687–1689 годов. Вообще же слыл человеком лёгким, жуиrom и мастером устраивать разные забавы. К началу их дружбы наёмному вояке было тридцать пять, юному Монарху — восемнадцать. Многоопытный швейцарец сумел привязать к себе Царя и скоро стал его любимцем. Ушлый Франц устраивал для Петра Алексеевича то небывалую потеху, то веселый пир, то встречу с полезным чужестранцем, то новое знакомство с девицей, «приятной во всех отношениях». По мнению современников, чуть ли не все беспутства юного Царя совершались тогда под влиянием и с участием Лефорта. Вот отзыв о нём хорошо знавшего его человека, князя Б.И. Куракина, женатого на сестре Царицы Евдокии: *«Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский. Он непрестанно давал у себя обеды, супе и балы. И тут, в его доме первое начало учинилось, что Его Царское Величество начал с дамами иноземными обходиться, и амур первый начал быть к одной дочери купеческой... Тут же в доме началось дебошанство, пьянство так великое, что невозможно описать»*.

Всё это происходило сначала в просторном и богатом доме Лефорта в Немецкой слободе, а позже в роскошном по тем временам Лефортовском дворце, построенном, как утверждают историки, на царские деньги и подаренном Петром его любимцу. Здание это и теперь стоит в московском районе, называемом Лефортово (вошёл-таки в историю Москвы швейцарский наёмник), на улице с экзотическим для столицы названием Коровий Брод.

Вот этот Лефорт и свел Царя Петра с молодой и хорошенькой немкой из слободы Анной Монс. Судя по всему, Царь серьезно влюбился в неё и, естественно, охладел к жене. То разгораясь, то затухая на время длительных отлучек Петра, этот роман с Монс продолжался долго, до 1703 года. Уже не было на этом свете Царицы Натальи Кирилловны, уже не было в Москве сосланной в монастырь Царицы Евдокии Фёдоровны, уже не было умершего в 1699 году Лефорта, когда в кармане случайно утонувшего саксонского посланника Кёнигсена были найдены любовные письма, написанные ему Анной Монс... Такого Царь, конечно, не простил.

Как свидетельствуют биографы Петра I, знакомство с Анной произошло в 1692 году. Но при жизни матери молодой Пётр ещё сдерживал свои порывы. После её кончины в 1694 году преград не осталось. Но и тогда, и ещё несколько лет после этого Царица Евдокия Фёдоровна была вместе с сыном Алексеем, жила в Кремле, оставалась русской Государыней, хоть и оставленной вниманием державного мужа.

Известно, что Царь Пётр не любил ни Кремля, ни Москвы. Царица Евдокия, напротив, чувствовала себя в Царских теремах как дома. Жила она с сыном «наверху», так называли в то время жилые Государевы комнаты дворца, куда лестница вела «наверх» от Боярской площадки и знаменитого Красного крыльца. Теремной дворец её времени можно и сегодня увидеть, поднявшись в него по лестнице из Владимирского зала Большого Кремлёвского дворца. Конечно, те терема, что мы видим сегодня, это — парадный Царский дворец XVII века, в нём жили не всегда, были «наверху» и другие, более уютные и лучше приспособленные для жилья комнаты, но часть теремов использовалась Царской семьёй постоянно. Например, верхняя палатка или теремок со смотрильной башней служила местом для игр Царских детей. Известно, что в маленьком верхнем теремке, который и сегодня возвышается над дворцом и виден издалика, резвился и бегал маленький сын Петра и Евдокии Царевич Алексей Петрович...

Нынешнему гостю Кремля трудно представить себе в полной мере структуру Царского дворца XVII столетия. Отдельные и просторные жилые покои были у Царя, Царицы, Царских детей и родных. Сложная система крытых переходов соединяла их, лежащие часто на разных уровнях, в некий изолированный от остального дворца городок. У каждого были свои «висячие сады» для гулянья, где были не только газоны, дорожки, усыпанные песком, и клумбы с цветами, но иногда и кусты, фруктовые деревья и даже березки, любимые деревца Царя Алексея Михайловича. Устраивали сады так: на белокаменных или кирпичных террасах, специально возведённых в нужных местах, укладывали свинцовые пластины для удержания воды, делали несложную дренажную систему, подводили воду, которую «поднимала» из реки машина в Водовзводной башне, и насыпали специально привезённую садовую и огородную землю. «Ви-

сячие» верхние сады служили не только местом отдыха Царской семьи, но и снабжали их ранней редиской, луком, салатом, а позднее — вишнями, сливами, яблоками. Известно, что в личном верхнем саду Царя Алексея Михайловича созревали так любимые им груши, которые он иной раз посылал в виде особого расположения Патриарху Никону, также большому их любителю.

Царица Евдокия Фёдоровна привычно пользовалась всеми преимуществами жизни «наверху» и растила Царевича, который был общительным и ласковым ребёнком.

Мы не можем, конечно, точно рассказать о жизни в Царских теремах Царицы Евдокии Фёдоровны, но нам известно вообще, как жили в Кремле Русские Государи и Государыни.

День в Царицыных покоях начинался очень рано. В четыре часа утра Царица шла на молитву в Крестовую комнату теремов, где её ожидал священник. Службу она слушала на особо устроенном месте, отделённом от причта и других молящихся «камчатым завесом». После утренней молитвы к Царице приходил «ближний человек» Государя, спрашивать от его имени о здравии. И вопрошение, и ответ на него совершались через комнатных боярынь.

Всё утро в Царицыных покоях посвящалось разного рода рукоделиям. Для этого была особая светлица, где работали Царицыны мастерицы. Царица приходила сюда любоваться их работой, красивыми тканями, а иногда и сама принималась за вышивки — шелками, золотом, серебром — или унизывала мелким жемчугом и камнями какую-либо домашнюю утварь или ценный вклад в монастырь.

До обеда Царица выслушивала разные деловые доклады от своей крайчей боярыни. Она могла увольнять или нанимать служителей её половины дворца, могла награждать кого-либо за заслуги перед нею, кроме того, она выносила решения, которые после объявлялись в особой палате, где «судился Царицын чин», как правило, это были разбирательства споров среди женской части двора или проступков. Много приходило к Царице прошений о милостивом вспомоществовании. Царица жаловала от себя не очень крупные суммы и монастырям, и церквям, и отдельным людям. Такие челобитья докладывал дьяк, который и записывал царицыно решение. Милостыня Царицы была скромна: частным людям — рубль, полтина.

«Обеденное кушанье» Царицы было одиноким, она обедала одна, в столовой палате, блюда подавали комнатные боярыни. Лишь изредка в особых случаях она обедала с Царем или сама «давала большой стол» в Золотой Царицыной палате для «приезжих боярынь», которые собирались по большим праздникам в Москве и привозили Царице и Царевнам традиционные подарки — так называемые «перепечи», особые сдобные и сладкие хлебы. Обряд «большого столования» в Золотой Царицыной палате по составу и количеству блюд почти не отличался от большого Царского стола, только не было крепких напитков и рейнских вин, их заменяли сладкие мальвазии и различные квасы.

«Выходы» Царицы бывали разными. Она могла относительно «просто» отправиться в ближайшую церковь в Китай-городе или к родным в их московский дом, тогда её сопровождало около десятка ближних боярынь. По праздникам Царица надевала праздничные наряды и выходила к публике в большом царском наряде под балдахин, который держали над ней с помощью специальных рукояток четыре молодые боярыни. В «прощённые» дни, когда полагалось просить прощение друг у друга, Царица «запросто» принимала Царя, ближайших родных и Патриарха, которые приходили «прощаться» к ней в палаты.

За большими официальными торжествами, которые проходили в Грановитой палате Кремля, Царица всегда наблюдала через окошко, прорубленное специально для этого над входом в палату.

Однообразную жизнь русской Царицы несколько разнообразили летние выезды в загородные резиденции или на богомолье в монастыри. Вместе с Царем Царица выезжала на несколько дней в Коломенское, Преображенское, Измайлово. Царский поезд охраняли всадники государева полка и пешие стремянные стрельцы. Но и в загородных дворцах жизнь Царицы была также регламентирована.

Сложны и строго определены были и одеяния русской Царицы. Домашний наряд её мало чем отличался от одежды богатых и знатных женщин того времени. Разница была в том, что боярыни могли дома позволить себе некоторые отступления от общепринятых норм, Царица же и Царевны — не могли. Несмотря на то что они, как правило, никуда не выходили и их никто не мог видеть.

Нижняя белая рубаха Царицы была из тонкой и белоснежной материи. Верхняя рубаха шилась из цветных тканей, большей частью шёлковых. И та и другая были полной длины. Верхняя бывала несколько шире нижней и имела очень длинные рукава с прорезями. Нарядные верхние рубахи или сорочки унизывали по швам мелким жемчугом, а рукава и оплечья вышивали золотом и серебром.

Целое исследование о домашнем быте, об одеждах, «столах», выходах и выездах русских Цариц написал наш замечательный историк конца XIX века Иван Егорович Забелин. Он и его многочисленные ученики и последователи оставили нам полное представление о том, как одевались, что ели-пили, как жили русские Цари и Царицы. В настоящем описании мы пользуемся сведениями из трудов И.Е. Забелина и его учеников.

Сверх рубахи или сорочки надевался так называемый летник. Он был короче рубахи, но рукава его бывали ещё длиннее, их вышивали золотом, а подол обшивали другой материей с золотой тесьмой и бахромой. К воротнику летника пристегивали ожерелье, которое обычно носят на шее. С наступлением холодов летник опускали «бобровым пухом».

Ещё одной верхней одеждой была телогрея — большое распашное платье, которое застегивалось по всему разрезу пуговицами или красивыми завязками. У телогреи бывали самые длинные рукава с разрезами, которые от локтя должны были спадать до самого пола. Шили Царицыны телогреи из плотных и тяжелых тканей и украшали золотом, серебром, жемчугом. Телогреи обычно «строили», это был длительный и весьма ответственный процесс, в котором было занято много людей во главе с постельной боярыней. Для торжественных случаев поверх летника (летом) или телогреи надевала Царица мантию, которую называли «подволокой». Её шили из шёлка, разукрашивали золотым шитьём, а по швам мелким жемчугом, иногда и крупными драгоценными камнями.

На ногах у Царицы бывали красные сафьяновые сапожки, тоже прошитые по швам золотым узором, или чёботы — то, что сегодня называют дамскими туфлями. Их шили из атласа или бархата, украшали тем же золотым шитьём и унизывали мелким жемчугом.

Украшениями Царицы были мониста, перстни, серьги и обручи — род браслета из толстой золотой проволоки, гладкой, а иногда свитой вдвое или даже втрое.

И, наконец, последнее: с любой верхней одеждой Царица обязательно носила фату — батистовую, белую или цветную, которая целиком закрывала лицо, дабы «никто не осмелился дерзко взирать на Государыню Царицу всяя Великия, Малыя и Белыя Руси».

Наряды русской Царицы были наверняка красивыми, но, как мы сказали бы сейчас, несколько сложными и стеснительными. Они фактически не позволяли видеть в Царице женщину. Поэтому можно понять, как ахнул молодой Царь Пётр Алексеевич, когда, приехав по делам в Немецкую слободу, увидел там обольстительных немок с декольте и оголенными плечами.

Что же до Царицы Евдокии Фёдоровны, то она, видимо, долго не представляла, какую опасность для её семейного очага представляет собою Немецкая слобода, и, уж конечно, не ожидала страшного и незаслуженного несчастья, которое ждало её впереди. Скорее всего, она знала о существовании Анны Монс, конечно, ревновала и страдала, пыталась вернуть мужа и отца... Но Пётр Алексеевич, его внимание, его помыслы, его редкое свободное время уже целиком принадлежали обольстительнице из Немецкой слободы.

«Кто же и что была эта Анна Монс? Любила ли она Петра? Нашёл ли он в ней верное, искреннее, понимающее сердце? — вопрошал в своем сочинении, посвящённом тому времени, историк Н.И. Костомаров, и сам же отвечал: — Ничуть не бывало. Это был тип женщины лёгкого поведения, обладавшей наружным лоском, тем кокетством, которое кажется отсутствием всякого кокетства и способно обворожить пылкого человека, но само по себе заключает в себя неспособность любить никого и ничего, кроме суеты и блеска житейской обстановки. Анна Монс не любила Петра и, приобретши уже до знакомства с ним опытность в амурных делах, завела после связи с саксонским министром Кёнигсенном... Петру открылась измена; тогда Анна являлась перед Царем и записывалась самым пошлым образом, пока не была уличена вещественными признаками обмана. На такую-то женщину променял Пётр свою законную жену, Царицу Евдокию, мать Наследника престола Алексея».

Возвращаясь, однако, ко времени до знакомства с Анной Монс, семейную жизнь Царя Петра нельзя считать неудавшейся. Есть свидетельства, что его порадовала весть о рождении наследника. Не все знают, что в Царской семье спустя полтора года родился ещё один мальчик — Александр, который умер менее чем через год. И это, кстати, зафиксировала «опись прихожих» к Святейшему Патриарху: *«1691 года, октября 3 в третьем часу ночи в исходе от Великого Государя Царя Петра Алексеевича по рождению сына его Государя Царевича Александра Петровича приезжал со здоровьем из походу из села Преображенского боярин Фёдор Авраамович Лопухин»*. Как видно из этой записи, Царь прислал к Патриарху с радостным известием своего тестя, дедушку новорождённого...

Но надо признать, что «воинские потехи» у Царя и тогда были на первом месте. В том же октябре 1691 года был, как утверждают документы, «великий и страшный бой у генералиссимуса Ф. Ромодановского, у которого был стольный град Пресбург. Рейтары ротмистра Петра Алексеева отличились...». Конечно, интересы молодого Царя лежали вне дома, и всё время, годное для «Марсовых и Нептуновых потех», он проводит далеко от Москвы и от жены. Но так же поступали тогда и вельможи, и рядовые дворяне.

У нас нет оснований считать, что Царица Евдокия Фёдоровна считала отлучки супруга признаками недоброго лично к себе отношения. Но, узнав об Анне Монс, страдала глубоко и сильно. Молодая Царица ещё надеялась на лучшее и наверняка жаловалась свекрови. Перед обольстительницей, однако, оказалась бессильной и вдовая Государыня. Возможно, она и умерла от горя, узнав о прелюбодеянии своего единственного сына.

А молодая Царица всё надеялась и ждала, ждала и надеялась. Не горькими и заслуженными упреками, но истинной любовью проникнуты её письма к мужу того времени, адресованные теперь уже в Архангельск.

«Предражайшему моему государю-радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой свет, на многие лета! Пожалуй, батюшка мой, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой, ко мне о здравии своём, чтобы мне, слыша о твоём здоровье, радоваться. А сестра твоя Наталья Алексеевна в добром здоровье. А про нас изво-

лишь милостию своею непамятовать, и я с Алёшенькой жива. Жёнка твоя Дунька».

В другом письме она пишет, что очень хочет видеть «пресветлые очи света моего и радости до скончания дней». Но ответа всё нет и нет. И в письмах появляются упреки, но какие ласковые...

«Предражайшему моему государю, свету радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой батюшка, на множество лет! Прошу у тебя, свет мой, милости, обрадуй меня, батюшка, отпиши, свет мой, о здоровье своём, чтобы мне, бедной, в печалях моих порадоваться. Как ты, свет мой, изволил пойти и ко мне не пожаловал, не отписал о здоровье ни единой весточки. Только я бедная, на свете несчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровье своём. Не презри, свет мой, моего прошения. А сестра твоя царевна Наталья Алексеевна в добром здравии. Отпиши, радость моя, ко мне, когда изволишь быть...»

Ощущение надвигавшейся беды появилось у Царицы Евдокии Фёдоровны, видимо, в 1695–1696 годах, когда стала заметной неприязнь между Царем Петром Алексеевичем и родичами Царицы, занимавшими тогда ключевые государственные посты. Конечно, Лопухины не скрывали недовольства пренебрежением, которое Царь являл Царице, их родственнице. Петрово окружение, надо думать, не без удовольствия наущничало Петру и настраивало его против Лопухиных. Пошли в ход и ложные доносы. По одному из них в 1695 году Царь лично пытал привезенного в застенки дядю Царицы, боярина Петра Авраамовича Большого. Не помогло, что этот боярин был всеми любим и уважаем, что во время бунта стрельцов в 1682 году он, первым среди стрелецких полковников, привел свой полк на защиту Царицы Натальи Кирилловны и маленького Царя Петра и, может быть, спас его от смерти. Истерзанного боярина, не найдя никакой вины его, Царь продолжал пытаться, и тот скончался в застенке.

Грозные признаки грядущей опалы встали перед несчастной Царицей в 1697 году. Открылся заговор против Петра, в котором участвовали Соковнин, Пушкин, Цыклер и другие. Подозрение в участии пало и на Лопухиных. И хоть вина родичей Царицы не была ни подтверждена, ни доказана, на них обрушились опалы. Отец Царицы Евдокии ближний боярин Фёдор Авраамович Лопухин был выслан из Москвы с приказом «жить в своих вотчинах до указу». Однако

сделано это было негласно, так как поздней осенью 1697 года власти кремлевского Вознесенского монастыря по давней традиции послали в день Святой великомученицы Екатерины — её престол был в главной монастырской церкви — памятные подарки Государям и их ближайшим людям. Царице Евдокии Фёдоровне, как и Царю, в покои был отнесен образ Святой Екатерины в серебряном окладе ценою в один рубль, а её отцу боярину Фёдору в числе пяти крупнейших вельмож государства — образ Святой Екатерины «писанный на дубу без оклада». Но в самом конце того же года Царским указом ближний боярин Фёдор Авраамович был отправлен воеводою в далекую северную Тотьму.

Вскоре подвергся опале родной брат Царицы Авраам Фёдорович, который после ссоры с Лефортом был отправлен в Италию для изучения корабельного строительства. Дядю её, боярина Василия Авраамовича Лопухина, послали воеводою в Саранск, второго дядю, боярина Сергея Авраамовича, — в Вязьму.

В том же году Царь, даже не простившись с женой, отправился в заграничное путешествие. В его отсутствие явились ей и живые вестники несчастья — бояре Нарышкин и Стрешнев. По поручению и от имени Царя они уговаривали Царицу добровольно уйти в монастырь. Она наотрез отказалась.

В 1698 году Царь Пётр Алексеевич возвратился в Москву ранее ожидаемого — его привели в столицу известия о стрелецком бунте, полученные им ещё в Вене. 25 августа он въехал в Москву, повидался с Монс в Немецкой слободе, но к жене так и не зашёл. Встретились Царь и Царица только через неделю, и то не во дворце, а в доме думного дьяка Андрея Виниуса. Современники утверждали, что разговор длился четыре часа, но Пётр лишь подтвердил своё решение удалить жену в монастырь. Она снова отказалась сделать это добровольно, не чувствуя за собой ровно никакой вины...

Но Царь был непреклонен — во второй половине сентября у Царицы Евдокии Фёдоровны насильно отобрали сына Алексея. Мальчику было уже восемь лет, и он, без сомнения, на всю недолгую жизнь запомнил эту сцену и вопли несчастной матери своей, когда ребёнка буквально вырывали из её рук. А 25 сентября к дворцово-

му крыльцу подали крытую повозку, запряжённую парой лошадей, и отвергнутую супругу увезли в Суздаль, в Покровский девичий монастырь...

«Чем заслужила она заточение? В чем провинилась? — писал в XIX веке Казимир Валишевский в своём историческом портрете «Пётр Великий. Воспитание и личность.» — Никто не мог даже подозревать, что она могла участвовать в политических интригах, в которых были замешаны Царевна Софья Алексеевна и её сестры. К восстанию стрельцов, которое Пётр намеревался тогда потопить в море крови, она была непричастна. Но Пётр был непоколебим в своём решении. Правда, у него не хватало улик для обвинения Евдокии в чём бы то ни было, но он обошёлся и без них. С гневом отталкивает он вмешательство Патриарха в пользу законного брака, и... разрубает узел...»

Лишь через двадцать лет в Манифесте от 5 марта 1718 года, когда в связи с «делом» Царевича Алексея Петровича несчастную Царицу привезли в Москву, чтобы вырвать у неё нужные Царю показания, будет впервые сказано, за что два десятилетия назад она была сведена с престола и заточена в монастырь. Сохранился оригинал Манифеста, в который Царь Пётр собственноручно вписал это обвинение — «за некоторые её противности и подозрения»... И всё!

О том, что в 1698 году Царь руководствовался, решая участь жены, чувствами, а не разумом, говорит и такой факт: Русской Царице и матери Наследника престола её супруг не пожелал назначить от казны вовсе никакого содержания. Откровенные враги Царя, злоумышления которых против него были доказаны, получали из дворца немалое довольствие. Царевна Софья, став в Новодевичьем монастыре инокиней Сусанной, получила в 1700 году, согласно записям в Разметной книге, хлеба, рыбы, овощей, квасу, разных вин и пряностей на 5144 рубля — огромную по тем временам сумму. Её сестра Царевна Марфа (инокиня Маргарита) — на 2650 рублей. А Царице Евдокии (инокине Елене), чтобы не умереть от голода, пришлось просить родных прислать съестных припасов и вина.

«Хоть сама и не пью, так было бы чем людей жаловать, — писала она в том же 1700 году брату Аврааму Фёдоровичу. — Рыбы с духами

пришли и всячины присылай, здесь ведь ничего нет: всё гнилое. Хоть я вам и прескушина, да что же делать? Покаместь жива, пожалуйста, поите да кормите, да одевайте нищую».

Трудно писать о годах, проведённых Царицей в суздальском Покровском монастыре. Конечно, монастырь — место святое, в нём не может быть плохо, но Евдокия Фёдоровна находилась там не по своей воле, была фактически узницей, и у неё не могло быть должного отношения к монастырским тишине и покою. Для неё это были бесконечные недели, месяцы, годы, проведённые в воспоминаниях о счастливых днях, в раздумьях, в сетованиях на судьбу... Благодаря родным и друзьям, которых у неё оказалось немало, опальная Царица узнавала кое-что о жизни сына, о событиях, волновавших страну. Она даже получала письма от Алексея — он не забывал своей матери и несколько раз пытался завести разговор о ней с грозным отцом. Но Царь отвечал коротко: «Она для тебя умерла...»

Однажды Царевич даже навестил несчастную изгнанницу. Поездка готовилась и совершилась в глубокой тайне. Евдокия Фёдоровна увидела сына после восьмилетней разлуки. У неё отняли восьмилетнего мальчика, а теперь перед ней стоял шестнадцатилетний юноша. О чём говорили они, не знает никто, но известно, что Царица благословила сына небольшим образом Божией Матери, который он увёз с собой и перед которым часто со слезами молился. По возвращении в Москву Царевич узнал, что тайну сохранить не удалось. О встрече его с матерью узнала тётка, Царевна Наталья Алексеевна, а от неё и сам Царь. Разразилась гроза! Пётр, находившийся тогда с войском в Польше, срочно вызвал Царевича к себе, в Жолкву. Можно представить себе, что пришлось выслушать сыну от отца...

Вскоре, в 1709 году, в Суздале случилось событие, которое позже сыграло немалую роль в судьбе опальной Царицы. В город «для рекрутского набора» приехал майор Степан Богданович Глебов. Глебовы — старый московский род. Как и Лопухины, они начальствовали в стрелецких полках, как и Лопухины, делали дворцовую карьеру, хотя, конечно, не могли равняться с Царской родней ни знатностью, ни чинами, ни богатством. Были, однако, соседями, хоть дома их и относились к разным церковным приходам. Один из Глебовых,

стольник Леонтий, в 1691 году по благословению патриарха женился на дочери думного дворянина Ивана Савёлова. А другой, Степан, делал успешную карьеру в новых солдатских полках Царя Петра. Его-то и забросила военная служба в Суздаль. Прибытие в тихий городок государева человека, да ещё в немалом чине, не могло остаться незамеченным. Наверняка узнали о его приезде и в Покровском монастыре...

Во всех исторических сочинениях дальнейшее описывается сходно: встретила-де опальная Царица хорошего человека, и полюбила его, и отдалась ему со всей силой нерастраченных чувств... О том же говорят и документы — письма Евдокии Фёдоровны к Глебову, якобы найденные у него при розыске, «пытошные листы» Степана Богдановича, в которых истерзанный воин якобы признаётся, что «сошёлся с ней в любовь и жил с ней блудно», и якобы собственноручное признание: «Я, бывшая Царица старица Елена привожена на Генеральный двор и с Степаном Глебовым на этой ставке показала, что я с ним блудно жила, как он был у рекрутского набору...»

Документы, казалось бы, подлинные... И все-таки... Не верится во всё это, хоть и нет доказательств обратного. А может быть, и есть они, только совсем в другой сфере надо их искать!

Попробуем представить себе систему взглядов и ценностей тогдашнего русского человека, принадлежавшего к традиционному обществу, и поставим себя на место сначала Степана Богдановича Глебова. Сорокалетний офицер влюбился до беспамятства в жену своего Царя, да так, что забыл и её положение, и ангельский чин? Не верится... Польстился на соблазнительную женщину? Такое вполне возможно, если бы речь шла о другой женщине. Но в нашем случае Глебов знал и о десятках глаз, которые за ними наблюдают, и о хорошо налаженной системе доносов и сыска, и о крутом нраве Царя Петра — он не мог не знать, что тем самым подписывает себе смертный приговор. Сомневаюсь, чтобы он решился на это... Ещё один вариант: он всё же решил рискнуть в расчёте на скорую смерть Царя, на воцарение Наследника и возвращение его матери в Кремль. Но как эфемерна надежда, как безумен риск и как страшен проигрыш! Нет, на такое мог бы пойти отчаявшийся капрал или романтический поручик вроде Мировича, но никак не воин, имею-

щий за плечами двадцать пять лет государственной службы. И, наконец, православного, да ещё в начале XVIII века, не могло не остановить то, что перед ним была... старица Елена. Вот и получается, что Глебов, будучи в здравом уме, просто не мог пойти на «блудную связь» с суздальской монахиней.

Теперь обратимся к бывшей Царице. И для неё не мог быть легко преодолимым монашеский обет, пусть и не добровольно данный. Не забудем и о положении Царицы в допетровском обществе, а она принадлежала именно к нему. Само звание русской Царицы было тогда на такой высоте, что иные буквально не смели поднять на неё глаза. Евдокия Фёдоровна, безусловно, понимала ни с чем на Руси не сравнимое величие своего Царского звания. Наверняка она не оставляла надежды, что её Алёшенька когда-нибудь вступит на престол и она вернётся в Царский дворец, — могла ли она пошлой связью пятнать свое имя! К тому же постоянный надзор... И монашеская мантия, и Царственное самосознание, и элементарная осторожность не могли позволить ей до такой степени увлечься пусть и любезным её сердцу красавцем Глебовым...

Нет, не было такого в жизни опальной Царицы! Она даже в заточении не могла так поступить, потому что в собственных глазах продолжала оставаться русской Царицей, матерью Наследника и Великой старицей, подобно известной инокине Марфе, родительнице первого Царя из дома Романовых.

Откуда же письма, показания свидетелей и «чистосердечные признания»? Мы, русские XX столетия, прекрасно знаем, как добываются и фабрикуются подобные «документы». И не надо считать ВЧК, ОГПУ и НКВД первыми среди подобного рода учреждений на Руси!..

Но почему тогда обвинение в «блуде», а не в «государственной измене», что было бы логичнее — Царица стремится к власти и интригует против Царя в пользу сына. Да потому, что для этого не нашлось не только оснований — их и не могло быть! — но и простого повода. А вот встречи бывшей Царицы с Глебовым в Суздале были! Нетрудно понять и откуда взялась «блудная версия». Ближайшее окружение Петра в то время погрязло в блуде, он стал для тогдашних вельмож, преимущественно выскочек, настолько обычным делом,

что они просто не могли себе представить, что мужчина и женщина могут уединяться с иными целями... Разумеется, скорее всего, не сам Царь был автором «блудной версии». Он был обманут услужливыми подручными, которые преследовали собственные цели. В окружении Царя Петра Алексеевича было, к сожалению, достаточно лично заинтересованных негодаев, способных возвести на опальную Царицу любую напраслину.

Итак, что же случилось в Суздале в 1709 году? Узнав о приезде в город Степана Богдановича Глебова, которого она, скорее всего, знала по прежней московской жизни, несчастная Евдокия Фёдоровна сама послала за ним, чтобы узнать о новостях. Беседовали они, конечно, без свидетелей — зачем они им! В следующий приезд по делам службы Глебов, возможно, и сам пришёл к Царице — и с новостями, и с гостинцами, а может быть, и с письмами от родных. Ничего большего не было и быть не могло!

Показательно, что обвинение в блуде против бывшей Царицы возникло лишь в 1718 году, когда печально известный П.А. Толстой уже привез из-за границы сбежавшего туда от отца Царевича Алексея. Было ясно, что Царевич будет обвинён. Это радовало и новую жену Петра, и Меншикова, и многих других, которые как огня боялись воцарения Алексея Петровича и возвращения его матери. И когда возникла реальная возможность уничтожить Царевича, было так соблазнительно навсегда устранить и бывшую Царицу.

«Дело» старицы Елены рассматривалось в Москве, в жутком Преображенском приказе. Царевича и его сторонников терзали в петербургской Петропавловской крепости. Судьба несчастных была решена с интервалом в несколько месяцев. 15 марта 1718 года Царь Пётр Алексеевич чинил на Красной площади кровавую расправу над друзьями бывшей Царицы и теми, кто был обвинён вместе с ней. На Лобном месте были колесованы и приняли лютую смерть многие. Самую страшную казнь Царь назначил мнимому соблазнителю своей жены. Степана Богдановича Глебова посадили на железный кол, а поскольку дни стояли морозные, укутали тёплыми шубами, чтобы не замерз и подольше мучился. Только к концу следующего дня отдал он Богу свою душу. Но и этого показалось мало... Сохранился Царский указ Синоду: «Августа 15-го 1721 года — Степана

Глебова, в бесприкладном преступлении и в письменном народном возмущении явившегося, анафемствовать повсегодно»... Через три с лишним года после казни Глебова уже не Царь Пётр, а Император Пётр Великий продолжал преследовать его в царстве теней...

Вернемся, однако, к тому времени, когда опальная Царица жила в суздальском Покровском монастыре. Сведений о её пребывании там чрезвычайно мало. Тем приятнее было обнаружить целый очерк известного нашего исторического писателя и издателя журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского, который так и называется: «Покровский девичий монастырь в Суздале — место заточения Царицы Е.Ф. Лопухиной». Он был написан полтора-два года назад, как результат поездки М.И. Семевского в эту обитель. И там, в этом очерке, я нашёл подтверждение своему давно сложившемуся мнению о невиновности Царицы в «блудной связи» с Глебовым.

М.И. Семевский приводит в очерке свою беседу с тогдашним духовником Покровского монастыря отцом Иоасафом. Когда зашла речь о Глебове, он, оказывается, вот что сказал своему гостю:

«А знаете ли, вопреки сочинению Устрялова, вопреки тем статьям, которые удалось прочесть о Лопухиной, я остаюсь в убеждении, что она невинна в связи с Глебовым! Вот на чём основывается моё мнение: Евдокия Фёдоровна была в высшей степени религиозна, это уж одно могло спасти её от падения; с другой стороны, она была Царицей, помнила это и едва ли решилась бы унижить свой сан связью с простым человеком, в те времена разврат не мог ещё дойти до такой степени. Чтение книг религиозных, как-то Житий Святых — а она это чтение любила, как гласит предание, — равно как сказания о святой жизни подобной ей мученицы-затворницы в том же монастыре, и там же погребённой, Великой Княгини Соломонии, должны были её поддерживать... И ещё одно обстоятельство, на которое не обратил внимания ни один из писавших о Евдокии Фёдоровне: по словам Манифеста, она имела связь с Глебовым с 1707 по 1718 год. Иными словами, связь продолжалась всю пору зрелости, полных сил и здоровья Царицы. Но где же плоды этой любви? Неужели в продолжение 11-летнего сожительства их не было вовсе, тогда как и Царица, и Глебов не заявляли себя бесплодием в законных браках. Почему же ни в одном застеночном

документе нет ни слова, ни вопроса, ни заметки о детях? Или строгие судьи Лопухиной и Глебова в этом «блудном» деле сконфузились упоминать о детях? Итак, насколько достоверны любовные письма Евдокии Фёдоровны к Глебову, напечатанные Устряловым и другими, не принадлежат ли они перу какого-нибудь застеночного секретаря — вот вопрос, разрешение которого рано или поздно последует с обнаружением новых материалов... Ответ на этот вопрос вряд ли скажет нам что-либо против Глебова, против епископа Досифея, священников, монахов и монахинь, принявших от руки Петра лютую смерть на Красной площади. Все эти люди все-таки останутся невинными страдальцами...»

...Как отрадно, сформулировав своё, отличное от других, мнение о таком неоднозначном и далёком от нас событии, встретить вдруг подтверждение своей правоты... Хочется, вслед за отцом Иоасафом, ещё раз повторить: да, пострадавшие в 1718 году от руки несправедливого и жестокого Царя были невинными жертвами, и первой среди них была, конечно, напрасно ошельмованная русская Царица Евдокия Фёдоровна. Пусть Господь судит их гонителя!..

В очерке М.И. Семевского есть немало интересных страниц, посвящённых Покровскому монастырю. Вот что рассказал в нём историк о церквях монастыря, связанных с пребыванием там опальной Царицы:

«Внутри башни мы поднялись по узкой тёмной лестнице. Отворена была железная дверь, и я вошёл в церковь Благовещения с бедным алтариком и двумя-тремя старенькими образами, с кирпичным полом... Церковь имеет аршинов восемь в длину, семь в ширину. В этой церкви, на жертвеннике, царский сыщик Скорняков-Писарев 10 февраля 1718 года нашёл вещь для него драгоценную — то была таблица, в которой для помину была вписана не Государыня Екатерина Алексеевна, как было приказано, а Царица Евдокия Фёдоровна. Это обстоятельство, громко возвещённое Манифестом от 5 марта 1718 года, послужило одним из важнейших обвинений как самой Царицы, так и поминавших её на ектениях священников монастырских и самого епископа Досифея.

К церкви Благовещения с левой стороны примыкает маленькая церковь Михаила Архангела в два с половиной аршина ширины и шесть аршин длины. Из церкви — окно с решётками, в нём видны остатки слюды, заменявшей в древности стёкла.

Эта церковь была Царицына, — замечает сопровождающая меня монахиня. — Она постоянно ходила сюда молиться, по тому самому, что ей был запрет ходить в общую церковь, для неё по коридорчику сюда был даже особый вход. Вёл он через галерею в кельи Царицы, они были деревянные, о двух этажах. Стояли в оgrade у ворот... А вот, глядите — это печка, что отапливала Царицыну церковь, так и стоит засорившись... А место Царицыно было с правой стороны, обычное место, сказывали, только обито было красным сукном с позументом...

Давно ли в монастыре живёте? — спросил я маленькую, сухонькую и бодрую мать Павлу.

Сызмалства, — отвечает она. — Нас всех сюда маленькими берут, я была по третьему годку взята тёенькой моей в монастырь, с тех пор и живу, восьмой десяток, кажись, повалил, благодаря Богу...

А знавала ли ваша тётушка что-нибудь о Царице?

Как не знать, знавала... Тётку мою Анатолией звали. Девочка ещё была несмышлёная, баловалась как-то у Царицына палисадничка — у неё перед кельей палисадник был небольшой. И видит, что петух в Царицын палисадник залетел, да как закричит: "Тёенька, тёенька, к Царице петух залетел!" Да так громко, что всем слышно. А в ту пору Царица у окошка сидела да и заплакала: "Вот меня Царицей величать не хотят, а Господь Бог устами несмыслённого младенца мя Царицей нарицает". Подозвала девочку, пряник ей большой дала, а после и к себе в келью взяла, в прислужницы. Так и жила она при Царице...»

...Мы упоминали уже, что Царица время от времени получала в монастыре вести о своём сыне, иногда — письма от него, а однажды шестнадцатилетний Царевич Алексей Петрович даже тайно приезжал к ней в Суздаль. Разлука Царицы Евдокии с единственным и любимым сыном была для неё, несомненно, так же тяжела, как и заточение. Однако и для Алексея — сначала маленького, потом юноши и, наконец, взрослого мужчины — оторванность от матери была не просто тяжела, она не лучшим образом сказалась на формировании его характера, его личности...

Судьбы матери и сына так тесно переплелись, что, говоря об опальной Царице, нельзя совершенно обойти стороной несчастного Царевича. О нём много написано, его судьба стала предметом внимания и историков, и писателей, и художников. Но глубинные

корни непримиримого разлада между отцом и сыном, которые привели к гибели Наследника, лежат в тех самых событиях, о которых мы вели речь на этих страницах.

...Он рос чувствительным и сообразительным мальчиком, поэтому уже в ранние годы не мог не видеть слёз брошенной матери, не мог не слышать сетований на её судьбу если не от самой Царицы — она вряд ли говорила об этом, — то от многочисленных окружавших его женщин. Очевидно, что Алексей любил свою мать. Но восьми лет мальчика силою оторвали от неё, лишили привычного окружения, привычной заботы и распорядка с неизменными церковными службами и обязательными прогулками в кремлёвских верхних садах. Из теремов Царевича перевезли в новый Потешный дворец села Преображенское. Рядом был экзерциц-плац с постоянной барабанной дробью и выкриками команд, за ним — Сокольничье поле с пушками, пирамидками ядер и треском ружейной пальбы, а совсем близко, у самого дворца, — избы Преображенского приказа — Тайной канцелярии Петровского времени... Мир, так любезный сердцу Царя Петра и так чуждый его сыну! Так никогда и не привыкнет к бивуачному солдатскому житью Царевич Алексей Петрович.

У Царя Петра Алексеевича, надо полагать, были самые добрые намерения воспитать Наследника должным образом. Известному ученому немцу барону Гюйссену была заказана программа обучения Алексея, он представил Царю «*Methodus instructionis*», в котором было подробно расписано, как, чему и когда следует учить мальчика. Но самому Царю было недосуг заниматься сыном, и практическое руководство подростком поручили случайному немцу Нейбауэру, для которого вершиною наук было «Юности честное зерцало».

Воспитание Наследника явно не удавалось, в нём всё более и более укоренялись ощущения брошенности, ненужности. Они, видимо, усилились, когда в тринадцать лет отец записал его солдатом бомбардирской роты Преображенского полка и взял с собою в поход. Нотебург, Ладога, Ямбург, Копорье, Нарва — в этих местах кочует Царевич Алексей Петрович в войсковом обозе и, очевидно, чувствует себя лишним — среди грязи и крови, мерзостей и ужасов военного похода того времени. И отца он почти не видит — не до него Царю в этом походе!

И в десять, и в двенадцать, и тем более в пятнадцать лет Алексей прекрасно понимал и своё положение Наследника, и несправедливость, жестокость обращения Царя Петра Алексеевича. Именно в это время, несколько возмужав, Царевич чаще, чем прежде, стал получать через верных людей письма от опальной Царицы.

«Царевич Алексей Петрович, здравствуй! А я бедная, в печалях своих еле жива, что ты, мой батюшка, меня покинул, что в печалях меня оставил... А я тебя ради по сие число жива... Не ведаю, за что мучаюсь. А я же тебя не забыла, всегда молюся за здоровье твое Пресвятой Богородице, чтобы Она сохранила тебя и во всякой бы чистоте соблюла...»

И сама собою, с закономерной неизбежностью росла в сердце сына сначала неприязнь к отцу, а затем, возможно, и злоба, и ненависть. Царь Пётр Алексеевич сам посеял в душе своего Наследника недобрые семена и позже пожинал лишь плоды рук своих.

Собственно, произошло то же самое, что случается в неблагополучных семьях, где родители пренебрегают своими обязанностями по отношению к детям или просто не думают о них. Наш случай отличался от других в личном плане лишь тем, что отец, бросивший жену и отобравший у неё ребёнка, был Русским Царем, брошенная жена — Русской Царицей, а ребёнок, сначала морально изуродованный, а затем и погубленный, — Царевичем, который по воле отца так и не стал Царем...

В нашем случае, однако, всё усугублялось дополнительными обстоятельствами, суть которых была в том, что сын не соглашался со многими действиями и поступками отца уже не личного характера. Это был протест не сына уже, но гражданина и подданного.

Напомним, что такого рода трагедия, к сожалению, случилась тогда на Российском престоле не впервые. Царь Иоанн IV Васильевич Грозный убил своего сына Ивана, и через одно поколение пресёкся род Московских Рюриковичей. Царь Пётр I Алексеевич убил своего сына Алексея, и через одно поколение пресёкся Царский род Романовых по прямой мужской линии — сын замученного Царевича Император Пётр II стал в нём последним. И если после смерти Царя Фёдора Иоанновича на Руси началась калейдоскопическая смена Царей, которая закончилась великой Смутой, то после кончи-

Царевич Алексей Петрович.
Сын Царицы Евдокии Фёдоровны.
Художник Б.К. Франке, 1710—1716 гг.

ны Императора Петра II началась череда дворцовых переворотов, целое столетие сотрясавших Россию.

Поистине велика и страшна ответственность Самодержцев, велик и страшен гнев Божий, который обрушивается на тех Помазанных, кто преступает Законы Его!

...Вернемся, однако, в 1718 год, когда преставился Царевич Алексей Петрович, а его страдалицу-мать препроводили для более строгого заключения в Старую Ладогу и поместили там в Успенский монастырь под неусыпный надзор. Сторожили Царицу надёжно. Старая Ладога, как и Петербург, входила в Ингерманландскую губернию, а губернатором её был Меншиков, который лично инструктировал офицера — капитана Маслова, отправленного с командой для надзора за Царицей.

Опальная Евдокия Фёдоровна провела в этой новой, ещё более жёсткой неволе долгие семь лет. Лишь после смерти Царя Петра, который стал за эти годы и Отцом Отечества, и Великим, и Императором Всероссийским, за бывшей Царицей приехали. Но не для того, чтобы облегчить её участь. Напротив, старицу Елену «в секретном тёмном возке» отвезли в Шлиссельбургскую крепость — самую страшную государственную тюрьму России, где поместили в одиночную камеру со строгим и скудным содержанием, без права встреч и переписки с кем бы то ни было, не исключая и священников. Даже охрана не знала имени своей заключённой.

Ясно, по чьему приказу это было сделано — судьбами России распоряжались тогда два человека: Императрица Екатерина I и всё тот же Меншиков. Оба они ещё больше, чем прежде, боялись возвращения из ссылки Царицы Евдокии Фёдоровны, поскольку единственным Наследником престола стал её внук Пётр Алексеевич, сын несчастного Царевича Алексея.

Но прошло ещё два года, и всё в жизни старицы Елены неожиданно переменялось: на пороге камеры её появились люди в богатых одеждах, низко кланяясь и называя «Величеством», они провели её в специально подготовленные теплые и красивые комнаты, а потом, дав отдохнуть, повезли в Москву. Бывшая Царица узнала, что на Всероссийский престол вступил её внук, Император Пётр II Алексеевич.

Император Пётр II Алексеевич.
Внук Царицы Евдокии Фёдоровны.

Неизвестный художник, XVIII в.

Всё, однако, было не так просто: бабушку юного Государя приказал перевезти из Шлиссельбурга в Москву тот же Меншиков, который считал опасным для себя оставлять её в далёкой крепости. Уже после падения временщика старица Елена писала своему Царственному внуку:

«Хотя давно желание моё было не только поздравить Ваше Величество с восшествием на Престол, но по несчастью моему по се число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допуская до Вашего Величества, послал меня за караулом к Москве».

Караул этот был снят только после опалы Меншикова, и старица Елена переехала в Вознесенский девичий монастырь в Кремле, где жила в богатстве и почёте, окружённая множеством прислужниц.

После ссылки Меншикова юный Император повелел составить специальный Манифест о многочисленных винах его, и первой из восьми главных провинностей бывшего любимца Петра значился произвол и насилие, учинённое им над особами Царского Дома — им самим, Императором Петром, и бабушкой его, Царицей Евдокией Фёдоровной.

Кроме того, молодой Царь поспешил восстановить доброе имя отца своего Алексея Петровича. Он объявил ложными все выдвинутые против него обвинения и недействительными все относящиеся к нему распоряжения.

Манифесты и другие бумаги, касающиеся преследований отца и бабки, повелел вернуть в Петербург и там уничтожить, чтобы не сохранилась сама память об учинённых несправедливостях.

...Вернёмся же к Царице Евдокии. Для неё богатые одежды, серебряная посуда, ларчик от внука с тысячей серебряных рублей, слуги, экипаж шестериком — все это было словно из иной, давно забытой прежней жизни. Она жила открыто, и сановные посетители наперебой спешили навестить старицу и заверить её в своей преданности... Но теперь она лучше знала цену таким заверениям... В Вознесенском монастыре старица Елена прожила несколько месяцев, ожидая приезда из Петербурга внука своего, который намеревался ехать в Первопрестольную для Священного Коронования.

Тем временем при дворе сложилась целая партия, которая делала ставку на Царицу Евдокию Фёдоровну. Об этом интересно писал сто пятьдесят лет назад историк Сергей Николаевич Шубинский:

«Когда на светлейшего князя Менишкова была наложена опала, общество взволновалось, как быть и что делать, было не ясно, как себя вести. Княгиня Аграфена Петровна Волконская, обер-гофмейстерина Екатерины I, жившая в Москве, собралась было ехать в Петербург, чтобы похлопотать у новых, близких к Петру II людей о себе и своих родных. Но послала письмо своему другу члену Военной коллегии Пашкову, жившему в Петербурге. Вот его ответ: “Поездку свою к нам изволь отложить, и дожидаться в Москве, а в Петербург ехать вам ныне не для чего... Я рад, что в здешнем помешательстве никто не упоминает о вас, и хорошо. Вам ныне более надлежит ездить к Государыне Царице Евдокии Фёдоровне, на которую все уповаем, что она, Матушка наша, милостиво всех нас укроет от проклятых вредителей наших, которые ныне ходят чуть живы от страха...”».

Наконец, Император Пётр II прибыл в Первопрестольную столицу. Вот как пишет об этом посол Испании при тогдашнем российском дворе герцог де Лири, или просто герцог Лирийский, как его называли в России.

«Царь приехал в Москву 30 января, но не въезжал ещё торжественно по причине простуды, которая причинила ему боль в груди. Его Величество остановился в загородном доме в 7 верстах от Москвы. Царь немедленно по приезде своём отправился инкогнито к своей бабке, которая жила в одном монастыре и никогда ещё не видела его... Таким образом, Пётр приехал к ней, но она чем-то ему не понравилась, и потому он к ней не имел доверенности, хоть она и ласкалась этой надеждою. Несмотря, однако же, на это, он назначил ей на содержание по 60 тысяч рублей в год и отвёл ей комнаты во дворце с услугою. Когда я видел её, она была уже старухою, но меня уверяли, что она была отличной красоты».

Довольно подробно рассказывает об этом историк Н.И. Костомаров, хотя сразу же признаёт:

«У нас нет достаточно подробных сведений о первом свидании Царственных внучат со своею бабушкою, старою Царицею-инокинею, но по некоторым данным видно, что оно происходило не очень сердечно. Великая Княжна Наталия (сестра Императора Петра II), любившая всё иноземное, не хотела беседовать со старухою наедине, но при свидании с нею взяла с собою тётку Цесаревну Елизавету. Это сделано

было для того, чтобы не заводила бабушка речей, о которых слушать и толковать внучке было неловко. Как встретился с бабкою Царь, не знаем, но известно то, что в заседании Верховного тайного совета, переехавшего с Царём в Москву, Царь предложил назначить своей бабке Царице содержание, приличное её высокому сану, и Верховный тайный совет ассигновал ей в год шестьдесят тысяч рублей и, кроме того, постановил приписать ей волость в две тысячи дворов и на её домашний обиход определить придворный штат».

Уже известный нам историк С.Н. Шубинский подтвердил эти сведения и добавил ещё один весьма любопытный штрих в эту картину. Он писал:

«Император свиделся со своей бабушкою. При ней был учреждён особый придворный штат и назначено значительное содержание. Царице Евдокии были возвращены все Царские почести, но Императора не допустили подчиниться её влиянию. Цесаревна Елизавета и Долгоруковы окончательно овладели Петром».

Император Пётр II, может быть, и хотел следовать советам своей бабушки, но дочь Царя Петра от его второй жены воспрепятствовала этому.

Итак, через тридцать лет заточения Царица Евдокия Фёдоровна снова оказалась в центре внимания и интриг. Что такое могло случиться, знали все, это подтверждает и переписка влиятельных людей того времени. Известно, например, что к Царице много писал «хитрый лис» барон Остерман, рассчитывая обрести в ней союзницу. Известно и письмо герцога Лирийского своему шефу маркизу де ла Паз в Мадрид: *«Нет сомнения, чтобы она (Царица Евдокия) не получила большого веса в правлении, когда Двор приедет в Москву...»* Такого рода опасения были в те дни у многих, кто не без трепета ждал появления в Первопрестольной юного Императора и его встречи с бабушкой.

Как эти опасения, так и надежды не оправдались. Уже первая встреча с внуком насторожила Царицу Евдокию. Она решила предпринять ещё одну попытку и сама приехала ко двору 18 февраля. Старица пробыла в Кремлевском дворце довольно долго и сочла нужным преподать внуку родительское поучение. Но это явно не понравилось молодому Государю, что было сразу же замечено придворными. Толпа вокруг Царицы Евдокии стала редеть...

24 февраля совершилось Коронование молодого Государя. Бабушка его, конечно, участвовала во всех церемониях и торжествах, была на почётных местах, но после, сказавшись усталою, затворилась в своих покоях и участия в жизни молодого двора почти не принимала. Более того, ей наскучил постоянный шум и гул на кремлёвских улицах, и она пожелала перебраться в более тихий и отдалённый от кипучей правительственной жизни Кремля Новодевичий монастырь.

Уединившись, Царица Евдокия сделала всё возможное для освобождения и восстановления в правах лиц, пострадавших вместе с ней и Царевичем Алексеем и помогавших им. Заботилась о храмах и монастырях, занималась благотворительностью. Вернула к своему двору некоторых прежде опальных сородичей.

Казалось, её время ушло безвозвратно. Но развитие событий сулило ещё один всплеск внимания и интереса к последней русской Царице. 19 января 1730 года скончался от простудной болезни Император Пётр II. И об этом написал в записках своих герцог Лирийский:

«Лишь только министры Верховного тайного совета увидели, что Государь скончается непременно, то собрались во дворце со знатнейшими вельможами и стали рассуждать о наследовании престола. Мнения разделились на четыре стороны:

Первая сторона была князей Долгоруковых, которые хотели возвести на Престол обрученную невесту Царскую... однако, увидев, что противники сильнее их, отказались от своего намерения.

Вторая сторона была Царицы, бабки покойного Царя, которой действительно предлагали корону, но она отказалась под предлогом глубокой своей старости и болезней.

Третья сторона желала видеть на престоле принцессу Елизавету, дочь Петра I.

Наконец, четвертая сторона старалась о герцоге Голиштинском, мать которого была старшей сестрой принцессы Елизаветы.

Но обе последние стороны были так слабы, что о предложении их даже не рассуждали».

О том, что кандидатура Царицы Евдокии Фёдоровны обсуждалась на заседании Верховного тайного совета, известно и из дру-

гих источников. Из мемуаров мы знаем, что в те дни у ворот Новодевичьего монастыря не раз останавливались роскошные экипажи. Но о чём говорили со старицей Еленой приезжавшие к ней вельможи, мы не узнаем никогда. А чем всё кончилось, известно — на Всероссийский престол была призвана дочь старшего брата Петра I Анна Иоанновна.

Воцарение родственницы Царица Евдокия Фёдоровна встретила доброжелательно. На торжествах по случаю коронации она сидела в большом кресле с государственными орлами на почётном месте неподалеку от Императорского трона. После окончания церемонии новая Императрица подошла к ней, обняла и сказала: *«Прошу, Ваше Величество, дружества ко мне. В моей же благодати к Вам беспокойства не питайте»*. Очевидцы утверждали, что обе Государыни прослезились.

В те дни Царица Евдокия Фёдоровна, кажется, в последний раз была при дворе. О встрече с нею говорится в записках одной дамы, леди Рондо, которая приехала в Петербург с новой Императрицей из Курляндии:

«Она много говорила со мною, много сказала любезного и звала к себе ко двору. Вообще, как видно, Царица не забыла ни аристократической вежливости, ни приёмов придворной жизни. Она несколько толста; но, несмотря на лета, на её лице остались следы прежней красоты. Евдокия держит себя важно, величественно, но всегда вежлива и ласкова. Её живые глаза проникают в сердце того, с кем она говорит...»

Последние месяцы своей жизни Царица Евдокия Фёдоровна провела в Новодевичьем монастыре, о чём до сих пор напоминают известные Лопухинские палаты, что стоят в его стенах возле Северных ворот, — самая богатая в архитектурном отношении постройка монастыря. Возводили её, правда, не для Царицы Евдокии, а сорока годами ранее для дочери Царя Алексея Михайловича Царевны Екатерины. Но история сохранила за палатами и соседней башней прозвание Лопухинских — уж очень необычной для России была судьба несчастной Государыни. Жила она в комнатах парадного второго этажа, куда вела ныне несохранившаяся наружная лестница. И венчала палаты тогда не скромная кровля, как сегодня, а устро-

енный на сводчатых потолках «верхний сад с гульбищем», окруженный парапетом, — ох и любили в тогдашней России «висячие сады», конечно, те, кто мог их себе позволить! По дорожкам этого «верхнего сада» и гуляла шестидесятилетняя Царица, поглядывая на монастырский двор и вспоминая свою нелёгкую жизнь. В этих палатах, соединённых с храмом Преображения Господня и Лопухинской башней монастыря, 27 августа 1731 года и окончила свои земные дни последняя русская Царица.

Евдокия Фёдоровна была не первой Русской Государыней, сведённой мужем с престола и заточённой в монастырь. Так же поступил со своей бесплодной женой Соломонией, урождённой Сабуровой, Государь Василий III. Его нельзя не понять — Русскому государству нужен был наследник. Сын Василия III от второй жены Царь Иоанн IV Васильевич насильно отправил в монастырь четвёртую жену свою, и тоже бесплодную, Анну, урождённую Колтовскую.

Лишь один Царь Пётр Алексеевич, преступив все Божеские и человеческие законы, насильно удалил от себя и постриг в иночество не просто супругу свою, но и мать Наследника Всероссийского престола.

Почему же поступил так Царь Пётр? Думается, самый простой и самый верный ответ на этот вопрос даёт Н.И. Костомаров:

«Историки пытались объяснить, что Евдокия не могла удовлетворить духовным потребностям Петра по своей узкости, закоренелости в предрассудках, приверженности к старине, богомольству, праздности и т.п., что гениальная натура великого преобразователя требовала чего-то иного, высшего, более развитого, нуждалась в такой женщине, которая могла бы его понимать, на что неспособна была дочь Лопухина... Нам кажется, ларчик проще открывается. Пётр поступил так же, как поступал обыкновенно русский удал добрый молодец, когда, по выражению песни, зазнобит ему сердце красна девица или “злодеюшка чужа жена” и станет ему “своя жена полынь горькая трава”».

«Нравственные понятия русских людей в те времена не могли не возбуждать в народе порицаний поступка Петра. Через 20 лет, когда насилие над Царицей Евдокией обернулось новым страшным розыском, несчастный епископ Досифей, преданный истязаниям, гово-

рил: *“Только я один в сём попался, посмотрите, что у всех на сердцах”*. Пётр своим поступком с женою оскорбил Православную Церковь, потому что она, Церковь, одна имела данное от Бога право произносить суд между мужем и женой», — продолжает Н.И. Костомаров.

По его мнению, разлучение Царицы с сыном и запрет контактов с ним впоследствии привело к необходимости тайных сношений и сыграло трагическую роль в судьбе не только их самих, но и родных Государыни, приведя кого на пытку, кого в ссылку, а кого и на плаху. Это также лишило Россию законного престолонаследника, принявшего мучительную смерть.

Память о последней Русской Царице хранят народные песни, записанные фольклористами, немногочисленные портреты, на которых запечатлена несчастная Государыня, её личные вещи в Оружейной палате, в музеях Московского Кремля и Суздаля. Многие православные монастыри и храмы помнят ценные Царицыны вклады. А в коллекции Государственного Исторического музея находится её личный надгробный иконостас, состоящий из 21 иконы.

До сих пор особо почитают свою благодетельницу Евдокию Фёдоровну в Николо-Радовицком монастыре в Егорьевском районе Московской области, куда она, возвратившись из заключения, вернула его святыню — чудотворный образ святителя Николая XVI века, вырезанный из цельного яблоневого дерева высотой около 1,5 метров, отобранный у монастыря Царем Петром I в 1722 году.

В Шуйском районе Ивановской области на берегу р. Тезы есть деревня Дунилово, в которой сохранилось 12 храмов и три монастыря. Этой деревней в XVII–XVIII веках владели Лопухины. Один из монастырей — Успенский — был основан отцом Царицы Евдокии. Там она встречалась с сыном. Покровский собор, также возведённый Лопухиными, и поныне является самым большим храмом. В нём находится чудотворная икона — вклад Царицы Евдокии и Царя Петра, а в Благовещенском храме — подаренное ею медное паникадило с двуглавым орлом. Патриарх Алексей II, посетив в 1993 году деревню Дунилово, назвал её «Жемчужиной Древней Руси».

А в Москве над Яузой в Спасо-Андрониковом монастыре возвышается трёхъярусный храм во имя Михаила Архангела, начатый в конце XVII века на средства Царицы и других Лопухиных, но до-

строенный лишь после её освобождения. Его нижняя Знаменская церковь почти 200 лет служила родовой усыпальницей.

Однако последняя русская Царица обрела свой вечный покой не там. Её тело в присутствии Императрицы Анны Иоанновны погребли в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.

Но Господь ниспослал Государыне Свою милость. Её прах единственный среди останков всех Российских Цариц не претерпел осквернения. Выбор ею места погребения, вопреки традициям, оказался промыслительным, так как Вознесенский монастырь в Кремле — место захоронения Цариц и Великих Княгинь — был разрушен богоборческой властью, а их останки подвергнуты поруганию.

И ещё одно событие нельзя отделить от судьбы Царственной инокини. В 1748 году в сельце Тинькове близ Калуги был явлен чудотворный образ Пресвятой Богородицы, впоследствии названный Калужским. На этой иконе Богоматерь соблаговолила предстать в облике поразительно схожем с прижизненным портретом Царицы Евдокии в монашеских одеждах с раскрытой книгой, написанным во время её пребывания в Покровском монастыре почти за 40 лет до обретения сей святыни.

Видимо, не зря последними словами Царицы-инокини перед кончиной были: *«Бог дал мне познать истинную цену величия и счастья земного»*.

Дни поминаения
Благочестивейшей Благоверной Государыни
Царицы Евдокии Фёдоровны,
урождённой Лопухиной, во иночестве Елены:
старый стиль / новый стиль
день рождения — 30 июля / 12 августа (1669 год),
день тезоименитства — 4 августа / 17 августа,
день кончины — 27 августа / 9 сентября (1731 год).

Более подробно о жизни Государыни-инокини
можно узнать в книгах:

1. Б.П. Краевский. Лопухины в истории Отечества. К 1000-летию рода. М.: Центрполиграф, 2001. — 861 с. (<https://lopukhins.ru/static/main/pdf/I.2.pdf>).
2. ЛОПУХИНЫ. Краткое историческое родословие к 1000-летию рода / Под общ. ред. князя В.О. Лопухина. Родословие сост. и подгот. к печати Д.Д. Лотаревой. Пояснительные статьи Л.П. Краевской и Д.Я. Романовой. — М.: Старая Басманная, 2021. — 500 с., XX с. ил. (<https://lopukhins.ru/static/main/pdf/I.3.pdf>).
3. В.О. Лопухин, князь. «Не потому, что сердцу больно...». Современные записки русского аристократа / Предисл. К.К. Немировича-Данченко. Пояснительные статьи Л.П. Краевской и Д.Я. Романовой. Родословие автора подготовлено к печати Д.Д. Лотаревой. М.: Старая Басманная, 2025. — 1104 с.: ил.; [1] с. ил., портрет (<https://lopukhins.ru/static/main/pdf/I.5.pdf>).
4. Лопухины. Фамильный сайт. <https://lopukhins.ru>.

Разделы: Поколенная роспись, № 137. <https://lopukhins.ru/generations/>
Общая информация о роде. <https://lopukhins.ru/notes/>.

Модель памятника Царице Евдокии Фёдоровне,
который предполагается установить на её родине
в Свято-Успенской обители.
Скульптор В.О. Чувашев

Обитель с благодарностью примет пожертвования
на создание памятника:
БИК 042908612; ИНН 7707083893; р/с 40817810322242590335
или на телефонный номер +7 915 893 19 25 —
получатель Валерия Васильевна Евдокимова (матушка Феофания)
с пометкой «На памятник».

Свято-Успенская женская монашеская обитель на родине
Царицы Евдокии Фёдоровны Лопухиной
в селе Серебряно Мещовского района Калужской области

БОРИС ПРОХОРОВИЧ КРАЕВСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ РУССКАЯ ЦАРИЦА ЕВДОКИЯ ФЁДОРОВНА ЛОПУХИНА

Дизайн обложки

К.А. Зубченко; Г.И. Гавриленко

ООО «Старая Басманная»

www.oldbasman.ru

тел. + 7 (916) 164-85-26

ulgavr@gmail.com

ISBN 978-5-907812-38-3

9 785907 812383 >

Формат 60×90 1/16. Усл. п. л. 3.

Подписано в печать 25.12.2025 г.

